

Что же касается программы Исполнительного комитета «Народной воли», которая якобы прокладывала путь к созданию «прогрессивного буржуазного общества», так ведь именно с либералами социалисты-народники вели самую ожесточённую полемику, считая их своими злейшими врагами, чьи установки абсолютно неприемлемы.

Мария Барабанова: Александр Дворник

*Maria Barabanova (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Alexander the Janiter (Dvornik)*

DOI: 10.7868/S3034579025060082

Среди революционеров 1870-х гг. самое заметное, но отнюдь не наиболее известное лицо — А.Д. Михайлов, пользовавшийся конспиративным прозвищем «Дворник». Вряд ли современные историки вспомнят о нём раньше, чем о его товарищах — А.И. Желябове, С.Л. Перовской и В.Н. Фигнер. Между тем его роль в революционном движении трудно переоценить, и двухтомный труд Ю.А. Пелевина, ученика профессора М.Г. Седова, ясно демонстрирует это.

Особое внимание он обращает на домашнюю обстановку, в которой вырос Михайлов. Воспоминания народников, если они вообще пишут о своём детстве, переполнены рассказами о неприятии, лицемерии, лжи, насилии и общей нелюбви. Не так было в семье Михайловых — крепкой, любящей и демократичной, где не ощущалось родительского диктата, но поддерживалась атмосфера уважения к самостоятельности растущей личности. Вероятно, благодаря такому воспитанию мальчик вырос остро чувствующим несправедливость человеком. Уже в гимназические годы своё будущее он, пока ещё абстрактно, связывал с общественно-полезной деятельностью. Однако Технологический институт, где в 1870-х гг. ужесточалась дисциплина и вводилась мелочная регламентация, очень быстро его разочаровал. «Зачем мне предметы института, — писал позднее Александр Дмитриевич, — когда сам он не признавал во мне человека и считал насилие и принуждение лучшим средством высшего образования?» (I, с. 191). О чинах и карьере Михайлов не думал, и после студенческих волнений 1875 г. был исключён и выслан в родной Путивль. Там он находился под надзором полиции, которая, по словам отца, «обходилась с ним как с колодником... он плакал, оправдывался в своей невинности, но кто мог сочувствовать ему? Кто мог поверить его невинности?... Он, бедный, всё переносил со святым терпением, втихомолку плакал, видимо худел и страдал» (I, с. 199). Типичная для пореформенной эпохи картина: мечтательный и свободолюбивый юноша искренне загорается идеей бескорыстного служения на благо общества и страны, честно ищет себе поприще, но не находит ничего соответствующего своим высоким идеалам, пытается вести себя по совести и встречает жёсткий отпор со стороны власти, которая, по сути, его отталкивает. Через нечто подобное прошло абсолютное большинство будущих радикалов.

Особенно ярко описана в книге жизнь Михайлова среди раскольников в 1877–1878 гг. Опыт первой волны «хождения в народ» показал, что склонить крестьян к немедленному бунту не удастся, а потому необходима «оседлая пропаганда» — сравнительно долгое проживание в народной среде, которое позволило бы завоевать доверие в деревне. Раскольники заинтересо-

вали Михайлова своим критическим отношением к власти и существующей действительности, а также сплочённостью, солидарностью, не иссякающей веками энергией протеста. Всё это позволяло рассчитывать на их участие в будущем восстании (I, с. 442). Пелевин показывает, как непросто было интеллигенту и атеисту выдавать себя за старовера и стать в этой среде «своим», отказавшись от многих прежних привычек. Снимая угол или комнатку в старообрядческом доме, он всегда оставался на виду и не мог позволить себе расслабиться (однажды его выдала слабость к запрещённому у раскольников курению), читать светские книги, журналы и газеты. Необходимо было возвращаться домой до шести вечера, каждое утро начинать с молитв и поклонов, постоянно изучать религиозную литературу и уметь вести беседы о вере. Михайлову пришлось, по собственному позднему признанию, «взять себя в ежовые рукавицы, ломать себя с головы до ног» (I, с. 444). При этом он не передал староверам ни одной революционной брошюры. Фигнер, слушая его рассказы, сравнила эту жизнь со смертельной тоской, на что он «совсем просто и серьёзно» ответил: «Да, я уже и умер от неё наполовину» (I, с. 452). Подобный опыт воспитывал самообладание и твёрдость, которые станут основой революционной этики в будущие десятилетия. К сожалению, в историографии почти не уделялось внимание повседневному быту подпольщиков (сами они не любили вспоминать об этом), и его особенности и трудности ещё нуждаются в изучении.

Контекст деятельности Михайлова (в том числе и события, в которых он не принимал участия — «хождение в народ», «Чигиринский заговор» и т.д.) освещён Пелевиным даже избыточно подробно. Порой возникает ощущение, что автор, увлечённый бурным потоком революционной эпохи 1870-х гг., забывает о работе над биографией героя, который то и дело оказывается в тени. Сама же монография столь велика, что сложно в полной мере оценить всю её научную новизну.

Рассказывая про Н.В. Клеточникова, агента революционеров в III отделении Собственной е.и.в канцелярии и Департаменте полиции МВД, Пелевин проанализировал его жизненный путь, контакты с народниками, обстоятельства ареста, откровенные показания, данные им на следствии, поведение на суде и ту роль, которую ему довелось сыграть в судьбе подсудимых. Из приведённого автором материала видно, в какой момент арест и гибель Клеточникова стали неминуемы. Тщательно выстроенная Михайловым конспирация работала, пока он один общался с агентом. Перед отъездом из Петербурга в мае 1879 г. ему пришлось поручить поддерживать связь А.Б. Арончику, тот, в свою очередь, подключил к делу А.А. Квятковского. Затем связным стал Л.А. Тихомиров и, наконец, сам Михайлов познакомил Клеточникова с А.И. Баранниковым и Н.Н. Колодкевичем, на квартире которого Николай Васильевич и попал в полицейскую засаду. Все они не только находились на нелегальном положении, но и участвовали в самых опасных предприятиях. А надёжных людей, живших по своему, не подложному паспорту, просто не было. Приходилось нарушать столь необходимые правила безопасности, что увеличивало риск разоблачения. На это указывает и Пелевин: «Все усилия петербургских народо-вольцев... были направлены на подготовку последней террористической атаки на царя... Ради выполнения этого решения ИК вся остальная деятельность оказалась в стороне, в том числе пострадала и конспиративная безопасность организации» (II, с. 230).

К сожалению, в монографии почти не говорится (II, с. 295) о романтической привязанности Михайлова к А.П. Корбе, хотя ей Юрий Александрович посвятил отдельную публикацию²⁹. В отличие от советского времени, когда создавались канонические и во многом мифологизированные образы титанов революционного движения, современные исследователи, напротив, стремятся увидеть в революционерах не только борцов, но и живых людей. Письма к Корбе свидетельствуют о том, что Михайлов усилием воли превратил себя в сурового революционного аскета, расставшегося «со всеми личными наклонностями»³⁰. Под этой маской скрывался человек с нежным сердцем, лишь незадолго до вынесения ему смертного приговора решившийся признаться в своих чувствах возлюбленной: «Голубка моя милая, любимая... сердце моё. Котик мой нежный... что скажу тебе, Зорька моя... я хотел бы глядеть на тебя вечно. Хотел бы целовать твои очи ясные долго, горячо и страстно... Счастье всегда мимолётно и безвозвратно. Пусть благословит тебя, ангел мой, судьба за эти горячие лучезарные чувства, которые ты поселила в моём сердце... Знала ли ты, что любовь моя так глубока. Полагала ли? Должно быть нет. Я полюбил тебя тихо, спокойно, но глубоко и навсегда»³¹. Видимо, незадолго до окончания суда и вынесения смертного приговора, когда так нужна была твёрдость, он признавался: «Не могу и писать тебе, я сильно чувствую в эту минуту горе разлуки, на минуту оно отнимает силы. Подавляет меня. Когда надо будет, надеюсь быть спокойным»³². Эти письма – уникальные свидетельства для представителей подполья. Они отражают трагедию революционеров 1870-х гг., многие из которых и не узнали ни привязанности, ни взаимной любви, ни семейного счастья, отдав себя так и не случившейся тогда революции.

В монографии лишь бегло упоминается о том, что «конспиративная техника “Народной воли” также благодаря заслугам Михайлова была поставлена на очень высокий уровень» (II, с. 296). Этот сюжет Пелевин раскрыл в особой статье³³. Данная сторона деятельности Михайлова неотделима от его представлений о дисциплине и централизме в организации, которые понимались шире, чем простое подчинение меньшинства большинству, и подразумевали образ жизни, выстроенный по строгим правилам. С их помощью Дворник обеспечивал безопасность подполья как изнутри (от предателей и провокации со стороны полиции), так и снаружи (от сыщиков, шпионов и проч.)³⁴. Он продумал и внедрил целую систему мер, защищавшую от провала конспиративные квартиры и тайные типографии. Он пристально следил за бдительностью товарищей на улицах, заставляя их заучивать проходные дворы и повадки полицейских агентов, что позволяло умело уходить от слежки. Таким образом, Александр Дмитриевич даже в большей степени, чем Клеточников, спасал революционеров от разгрома.

²⁹ Пелевин Ю.А. Новые материалы о народолюбцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылёвой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 3.

³⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964. С. 229.

³¹ Пелевин Ю.А. Новые материалы о народолюбцах... С. 70.

³² Там же. С. 70–71. Судя по всему, именно о Корбе Михайлов писал из тюрьмы: «Завещаю вам, братья, любить и ценить моего милого друга, а вашу сестру и товарища, как любили меня» (Прибылёва-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов. М.; Л., 1925. С. 210).

³³ Пелевин Ю.А. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и в «Народной воле» // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 2.

³⁴ Там же. С. 55.

Тем более странной кажется история ареста Михайлова, объяснить которую крайне сложно. «Дворник» лично пошёл заказывать снимки с фотографий казнённых товарищей А.К. Преснякова и Квятковского, так как «попался чувству раздражения» (II, с. 301), рассердившись на студентов, побоявшихся выполнить это поручение. Что помешало ему обратиться к другим студентам или сочувствующим партии лицам? Придя за готовыми фотографиями, он заметил встревоженность хозяина и тут же поспешил уйти, пообещав соратникам, «что ни за что не пойдёт туда» вновь (II, с. 302). Но 28 ноября 1880 г. он всё-таки посетил ту фотомастерскую, где и был схвачен. Что заставило этого умного и внимательного человека поступить столь неосмотрительно? Предположить, будто он банально надеялся на «авось», невозможно. Скорее всего, сказались усталость и вызванный ею психологический надлом. Как отметил Желябов, будто предчувствовавший собственный скорый арест: «Всему бывает конец» (II, с. 303). С 1876 г. жизнь Михайлова протекала в условиях нелегальной работы, когда приходилось до предела напрягать нервы, контролировать себя каждый день и каждый час, присматривать за другими, скрываться, разъезжать по разным уголкам страны, пропагандировать, организовывать, утешать, разъяснять, без отдыха, без каких-либо развлечений. Сколько сил оставалось у Михайлова к моменту ареста, мог ли он ещё выдерживать подобный ритм? Схожими причинами объяснялись аресты многих опытных конспираторов 1880–1881 гг.

16 февраля 1882 г. Михайлов составил «Завещание», в котором прозорливо предупреждал оставшихся на свободе товарищей о возможных ошибках и промахах. Он призывал их расходовать силы только на то, что приближает достижение цели организации; сохранить и издать её архив и краткие биографии тех, кто к ней принадлежал; не позволять малоопытным членам партии участвовать в смертельно опасных предприятиях; соблюдать осторожность как в революционной практике, так и в образе жизни; оставлять «знаки безопасности» и следить за ними во избежание массовых арестов; договориться о единообразной форме показаний и отказываться от любых объяснений во время следствия; поддерживать связь с арестованными через родственников, дабы избежать возможных оговоров и задержаний; ценить Корбу; поручать Тихомирову лишь умственную работу из-за его неспособности к практической деятельности; проявлять внимание к нравственной удовлетворённости каждого соратника по борьбе.

Однако в 1881–1884 гг. народовольцы нарушили семь из этих десяти заповедей. Судя по материалам процессов «17-ти», «14-ти» и «21-го», лишь немногие революционеры отказывались давать показания и пояснения (впрочем, и Михайлов, находясь в тюрьме, пространно рассуждал о пути русской молодёжи к радикализму). Связь с родственниками арестантов порой приводила к установлению слежки за теми, кто к ним обращался, а это неминуемо вело к лишению свободы. Кроме того, если радикалы всё чаще совершали ошибки, то профессионализм сыщиков, наоборот, возростал, что оставляло всё меньше шансов скрыться от них. В результате опытных подпольщиков становилось всё меньше, и на рискованные дела приходилось идти «зелёным» юнцам. Из-за той же нехватки рук Тихомиров после царевубийства не мог уже ограничить себя только интеллектуальным трудом, и вскоре это нанесло партии немалый урон.

Редкая проницательность выделяла Михайлова даже из узкого круга Исполнительного комитета. Неудивительно, что и в «Земле и воле» (особенно

после провалов 1878 г.), и в «Народной воле» он играл особую роль. Уникальное сочетание ума, внимания к товарищам, навыков тонкого психолога, демократизма, дисциплинированности и требовательности к себе и другим, принципиальности и строгости сделало его фактическим руководителем подполья, не превратив в революционного генерала в стиле С.Г. Нечаева. Как показал Ю.А. Пелевин, «Дворник» был лидером без тени лидерства.

**Дмитрий Рублев: Взгляд на революционеров из окна редакции
«Вестника Европы»**

*Dmitry Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
A look at the revolutionaries from the editorial office of «Vestnik Evropy»*

DOI: 10.7868/S3034579025060096

Ю.А. Пелевин создал целую галерею портретов российских революционеров 1870-х — начала 1880-х гг. По его книге читатель может изучать психологию и духовный мир народников, эволюцию их мировоззрения. При этом, разумеется, её автор далёк как от мифа о «революционной бесовщине», так и от идеализации «рыцарей без страха и упрёка». Пелевин признаёт характерную для них аскетическую самоотверженность, стремление к самопожертвованию во имя блага трудового народа, но не игнорирует и нередкое свойственный им авантюризм (которым отличались, например, Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович), или юношеское позёрство, как в случае с Л. Мирским.

В центре внимания исследователя — фигура А.Д. Михайлова, одного из лидеров «Земли и воли» и «Народной воли», выдающегося организатора подполья, террористических акций и конспирации. Историк вписывает его судьбу в контекст «революционной эпохи», но так увлекается описанием развития народнического движения, что нередко как будто забывает про главного героя, и тот лишь время от времени появляется перед читателем.

С разной степенью детализации в книге освещено множество сюжетов — «хождение в народ» 1874–1875 гг., последующая «оседлая пропаганда», «Чигиринский заговор», образование нелегальных кружков и партий в столице, попытки активистов «Земли и воли» возглавить борьбу рабочих за их социально-экономические интересы, личность и деятельность Н.В. Клеточникова, вооружённая борьба революционеров-народников с правительством — от сопротивления при арестах и побегах до расправ с полицейскими агентами, чиновниками и высшими должностными лицами, в том числе — «казус» В.И. Засулич, убийство Н.В. Мезенцова, покушение на А.Р. Дрентельна и т.д.

При этом книга Пелевина полностью подтверждает наблюдения С.С. Секиринского, отмечавшего, что для исследователей общественной мысли нередко свойственны «направленчество» и солидарность с оценками тех или иных деятелей прошлого³⁵. Одни предпочитают смотреть на изучаемые явления из окон Зимнего дворца или здания III отделения Собственной е.и.в. канцелярии на Фонтанке, другим ближе взгляд из подполья. Пелевин как будто обозревает «революционную эпоху» из комнат редакции журнала «Вестник Европы». Он де-

---

³⁵ Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 101.